

УДК 323+130.2](470+571):908(093)"1917-1931"

РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ КРАЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ (1917–1931 гг.)

Филимонов С. Б.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: filimonov.47@list.ru

Статья, основанная на архивных и малоизвестных печатных материалах, посвящена социально-политическим контекстам краеведения в России, обусловленным революцией 1917 года. Указаны причины мощного краеведческого движения, развернувшегося в России в 1917–1929 гг., отмечены его характерные особенности, приведены данные о количестве краеведческих организаций и их социальном составе. Рассмотрены основные направления деятельности краеведческих организаций, их формы и методы. Подчеркивается важная роль краеведов в работах по созданию и использованию прочной и разнообразной источниковой базы истории событий 1917 года и их последствий для социально-политической и экономической жизни регионов. Раскрываются причины, характер и последствия разгрома в России в 1929–1931 гг. краеведческого движения, в результате чего добровольные краеведческие общества были заменены бюрократическими бюро краеведения, а ведущие краеведы страны по печально известной статье 58-10 УК РСФСР отправлены в ссылку.

Ключевые слова: Россия, 1917 год, краеведение, интеллигенция, революция и ее последствия, политические репрессии.

Пришедшие в октябре 1917 г. к власти большевики немедленно приступили к коренным преобразованиям во всех сферах жизни страны. Преобразования эти самым непосредственным образом затронули и российскую историческую науку. Были упразднены такие авторитетные общероссийские центры исторической науки, как Русское историческое общество и Русское военно-историческое общество. Были закрыты знаменитые исторические журналы «Русский архив» и «Русская старина». В школах и вузах страны надолго, до середины 1930-х годов, было прекращено преподавание отечественной истории.

В результате после 1917 г. краеведческие организации России (общества, кружки, музеи, другие объединения краеведов) приобретают значение единственных на местах учреждений, занимавшихся изучением отечественной истории и распространением знаний о ней. В этой связи, думается, не случайно количество краеведческих организаций в России с 1917 г. по 1927 г. возросло более чем в 10 раз – со 155 до 1688 [1, с. 306].

Деятельность краеведческих организаций в первые послереволюционные годы имела следующие характерные особенности. Во-первых, члены краеведческих организаций изучали прошлое и настоящее края преимущественно по

первоисточникам. Во-вторых, костяк краеведческих организаций составляли представители старой, дореволюционной формации интеллигенции, не владевшие ремеслом фальсификации истории в угоду идеологии.

Начиная с 1917 г. одним из важнейших направлений деятельности краеведческих организаций становится выявление, собирание, изучение и многостороннее использование источников по истории событий 1917 года и их последствий для жизни регионов. Создававшаяся краеведами источниковая база должна была ответить на вопросы:

- Что произошло в 1917 году?
- Почему произошло?
- Как произошло?
- Какие последствия это вызвало?

Документы свидетельствуют, что работы краеведов в этом направлении начались уже вскоре после февраля 1917 г. Так, в отчете о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1917 г. отмечалось: «После Февральской революции 1917 г. оживилась работа членов Комиссии по приведению в порядок и разработке письменных и печатных материалов, относящихся к истории общественно-революционного движения в Саратовском крае. Осенью этого года на основе старых и новых накоплений материала в составе Архивной комиссии был создан особый “Отдел общественного движения”, позже составивший часть Исторического музея». Упоминание в том же отчете о докладе С. Н. Чернова «Об учреждении Отдела истории общественного движения в составе Комиссии» [2, с. 66] позволяет предположить, что именно этому замечательному историку и источниковеду принадлежала идея создания отдела.

14 мая 1917 г. на заседании Таврической ученой архивной комиссии ее председатель – выдающийся крымовец А. И. Маркевич доложил, что поместил в газетах воззвание к населению губернии с просьбой о присылке в Комиссию всех печатных изданий, «касающихся переживаемого Россией переворота»; на том же заседании было постановлено «обратиться к председателю комиссии по разбору дел б. жандармского управления и сыскного отделения с просьбой о передаче всех дел, не имеющих значения для текущего момента, на хранение в архив Комиссии» [3, с. 315, 136].

Костромское научное общество по изучению местного края образовало в 1917 г. специальный «архив революции», где концентрировались все местные периодические издания, плакаты, объявления и другие письменные источники начиная с марта 1917 г. [4, с. 8].

В 1918 г. при Казанском обществе археологии, истории и этнографии уже существовал «Музей войны и революции» [5, л. 83].

К 20 августа 1928 г., когда постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве РСФСР» было указано «на желательность образования историко-революционных отделов, по возможности, во всех краеведческих музеях» [6, с. 22], историко-революционные отделы, секции и комиссии имелись, согласно справочнику «Краеведные учреждения СССР», в краеведческих музеях и обществах

многих городов России [7, с. 4, 9, 16–19, 25, 33, 40, 42, 43, 46, 47, 66, 68, 73, 74, 76, 77, 80, 83, 85, 89, 91–93].

С первых послереволюционных лет краеведческие организации поставили перед собой задачу собрать и изучить источники, свидетельствующие не только о подготовке и проведении революции, но и о влиянии революции на различные стороны жизни края. Вот что, к примеру, писал в 1922 г. в программного характера статье, посвященной основанию Псковского общества краеведения, его первый председатель В. К. Гринкевич: «Никто, конечно, не станет оспаривать, что в данный момент из всех видов этнографической работы, пожалуй, наибольшего внимания заслуживает изучение влияний революции на хозяйственную и бытовую жизнь края и на изменение психики, идеологии и культурного уровня населения. Так, например, для краеведа является крайне интересным и важным вопрос, что сделала революция в области аграрных отношений, если, конечно, судить не по официальным данным, в которых обыкновенно очень много бюрократической плавности и пристрастия, а по живой действительности» [8, с. 80]. О том, насколько многосторонне изучалось краеведами влияние революции на жизнь края, свидетельствует и такой факт: в письме Общества изучения Тверского края в Главнауку Наркомпроса РСФСР от 23 февраля 1925 г. сообщалось, что в распоряжении Общества имеется ряд подготовленных к печати трудов, в том числе рукопись М. И. Назарова «О влиянии войны и революции на состав тверской флоры: (Появление новых растений в связи с массовым передвижением населения под влиянием войны и революции)» [9, л. 30]. (В изданиях Общества указанной работы нами не обнаружено.)

В деле выявления, собирания, а также создания историко-революционных источников краеведы широко использовали оригинальные анкеты, вопросники, программы, инструкции. В 1918 г. Костромское научное общество по изучению местного края распространило анкету «О влиянии революции на жизнь деревни», которая имела целью «выяснить настроения деревни в это время, ее экономическое положение и новые бытовые явления, какие внесла революция в жизнь деревни» [10, с. 3]. В начале 1920-х гг. Вятский областной музей вел обработку собранных «анкетных материалов» об изменениях «форм быта под влиянием войны и революции» [11, с. 29]. Тогда же историческая секция Якутского краевого географического общества разработала инструкцию «по сбору материалов по истории политической ссылки» [12, с. 365].

В изданном в 1925 г. Нолинским (Вятской губернии) музеем краеведения сборнике программ и анкет по собиранию материалов для изучения края содержалась и разработанная проф. Н. М. Каринским программа «Собирание особенностей языка, проникших в деревню в революционное время» [13, с. 30–32].

Тогда же в Иваново-Вознесенском губернском научном обществе краеведения разрабатывались программы «Собирание сведений о революционном движении» (эту программу готовил А. Е. Ноздрин, первый председатель первого в России Совета рабочих депутатов) и «Собирание материалов о профессиональном движении» (эту программу готовил секретарь историко-археологической секции общества Б. В. Златоустовский) [14, с. 15].

В 1928 г. секция обычного права и революционного правосознания Нижневолжского областного научного общества краеведения опубликовала составленную В. М. Черновым «Программу собирания в Саратовском крае материалов по юридическому быту революционной эпохи» (Саратов, 1928). В 1929 г. Общество изучения края при музее Тобольского Севера издало «Программу по изучению революционного движения в Тобольском округе» (Тобольск, 1929).

Формы использования собранных источников были весьма разнообразны. Используя источники, краеведы создавали музеи и архивы революции, составляли хроники событий революции и первых лет новой власти, готовили биографические словари революционных деятелей края, публиковали статьи, документы и материалы, издавали библиографические указатели [15, с. 93–94].

Большой интерес представляют оригинальные доклады и статьи краеведов источниковедческого характера. Вскоре после Февральской революции, как только стали доступными материалы по истории политического сыска, к их изучению немедленно приступили члены краеведческих обществ. 25 августа 1917 г. на заседании Ярославской ученой архивной комиссии ее член Н. Г. Работнов выступил с докладом «Тайны Ярославского застенка», представлявшим собой обзор архивных фондов Ярославского губернского жандармского управления и Ярославского охранного отделения [16, с. 63]. В 1922 г. в Тамбовском обществе изучения природы и культуры местного края был заслушан доклад С. И. Соколова «Содержание и характер б. архива Тамбовского жандармского управления», в 1924 г. в Нижневолжском областном научном обществе краеведения – доклад В. А. Дуброва «Общественно-политическая жизнь в Саратовской губернии в 1916 г. по донесениям уездных исправников», в 1925 г. в Вятском научно-исследовательском институте краеведения – доклад П. Н. Луппова с обзором правительственных распоряжений о политической ссылке в Вятский край во второй половине XIX – начале XX вв., в 1926 г. в Казанском обществе археологии, истории и этнографии – доклад М. К. Корбута «Накануне Февральской революции (по материалам Департамента полиции и Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)» [17, с. 17–18; 18, л. 181; 19, л. 57; 20, с. 106].

Объектами исследования, помимо делопроизводственных материалов государственных учреждений дореволюционной России и Временного правительства, являлась и периодическая печать. Так, например, в 1927 г. в Псковском обществе краеведения был заслушан доклад Н. М. Колиберского «Псковская буржуазная пресса в дни Октябрьской революции» [21, с. 20].

Внимание краеведов привлекали и мемуары. В 1925 г. на страницах издававшегося московским Истпартом журнала «Пролетарская революция» была опубликована статья И. Р. Гелиса «Как надо писать воспоминания: методологический очерк» [22, с. 197–212]. Как оказалось, это была первая в советской историографии специальная источниковедческая работа по мемуарной литературе [23, с. 5]. Удалось установить, что указанную статью И. Р. Гелиса предварял доклад того же автора «Мемуары революции как исторический источник», прочитанный 24 мая 1925 г. на заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии. Сохранившийся протокол заседания, в котором

изложены как доклад сотрудника Крымского истпарта И. Р. Гелиса, так и прения по докладу, представляет несомненный интерес для историографии источниковедения [24, с. 192].

На страницах краеведческих изданий 1920-х гг. появлялись и экзотические публикации. Так, в 1928 г. в сборнике Общества изучения Ульяновского края была опубликована статья председателя Сызранского общества краеведения Н. В. Гурьева «Политическая история с. Репьевки» [25, с. 21–28]. В ней предпринималась уникальная в отечественной историографии попытка охарактеризовать значение такого малоизвестного источника, как церковно-приходские летописи, для изучения политической и революционной истории края. Н. В. Гурьев писал: «В настоящее время особенный интерес приобретает изучение политической истории и истории революционного движения, в этом отношении скудость источников на местах, в особенности в отношении мелких административно-территориальных единиц, сказывается особенно остро. Изыскивая такие источники, мы остановили внимание и сделали попытку составить политическую историю села на основании церковной летописи. Казалось бы, что такой источник совершенно исключает возможность получить данные о политической истории. Однако приводимые мною ниже данные свидетельствуют, что церковная летопись может дать очень любопытный материал, раскрывающий перед нами жизнь деревни в политическом отношении как на кинематографической ленте». В результате анализа церковно-приходской летописи села Репьевки Сызранского уезда, которая велась в 1860-х – 1917 гг., исследователь приходил к следующим выводам: «Если этот источник пополнить другими данными (записки, дневники, письма, газеты, воспоминания и т. п.), то можно воспроизвести очень детальную картину политической жизни села, далее – волости и – уезда. К этому способу, как наиболее доступному на селе, мы и рекомендуем прибегнуть культурным работникам деревни, которые очень затрудняются воспроизвести историю революционного движения в своем селе или волости».

Вероятно, не без влияния церковно-приходских летописей родилась идея составления краеведами так называемой летописи современника. В 1926 г. в журнале «Известия Центрального бюро краеведения» была напечатана заметка «Летопись современника», подписанная псевдонимом Н. А. [26, с. 227–228]. Удалось установить, что заметка принадлежала видному историку культуры Н. П. Анциферову [27, с. 85]. В ней перед краеведами ставилась задача регистрировать путем собирания вырезок из газет и ведения летописей наиболее значительные события местной общественной жизни.

Как видим, начиная с 1917 г. краеведческие организации России предпринимали энергичные меры по созданию и использованию прочной и разнообразной источниковой базы истории революции и ее последствий. Но удалось ли краеведам создать такую базу? Увы, на этот вопрос придется дать отрицательный ответ. Ведь деятельность краеведов жестко контролировалась «всевидающим оком» ВЧК – ОГПУ. С учетом этого краеведам приходилось серьезно ограничивать направленность своей деятельности. Например, протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии не зафиксировали ни одного выступления с

призывом к собиранию источников по истории Гражданской войны в Крыму, массовой эмиграции из Крыма в ноябре 1920 г. и последовавшего вслед за этим на полуострове чудовищного по размаху и жестокости красного террора, о количестве жертв которого до сих пор спорят историки.

Другой пример. Сегодня широко известна история массового антибольшевистского восстания тамбовских крестьян в 1921 г., жестоко подавленного частями Красной Армии под командованием Тухачевского. В 1925 г., т. е. четыре года спустя после этих событий, в Тамбове состоялась Вторая Тамбовская губернская краеведческая конференция. На ней была намечена обширная программа краеведческих работ, в которой имелся и следующий пункт: «5) организовать выезды краеведов в села, где аграрное движение отличалось особым напряжением и где “подвиги” тамбовских усмирителей отличались особой свирепостью» [28, с. 65]. Цитированный раздел программы относился к событиям не 1921 года, а к периоду первой российской революции 1905–1907 гг.

Хуже того, собранные краеведами исторические источники, противоречившие большевистской концепции отечественной истории, либо засекречивались, либо уничтожались. Например, в Крыму в 1917–1920 гг. издавалось около 150 газет, большинство из которых имели ярко выраженную антибольшевистскую направленность. Газеты эти, будучи ценнейшим многоплановым источником по истории Крыма в период революции и Гражданской войны, скрупулезно собирались Таврической ученой архивной комиссией. Увы, до середины 1990-х гг. газеты эти находились на спецхране, а когда их рассекретили, оказалось, что в архивах и библиотеках не только Крыма, но и России в целом не сохранилось ни одного полного комплекта ни одной из этих газет. Как стало известно из недавно рассекреченных архивных материалов крымских спецслужб, при обнаружении чекистами у кого-либо подшивки этих газет их владелец «за хранение контрреволюционной литературы» подлежал расстрелу [29, с. 69].

Закономерным был финал мощного краеведческого движения, развернувшегося в СССР в 1917–1929 гг.: в 1929–1931 гг. оно было разгромлено. Добровольные краеведческие общества были ликвидированы и заменены бюрократическими бюро краеведения. Ведущие краеведы по печально известной статье 58-10 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») были репрессированы и сосланы в отдаленные регионы страны. «Разоблачению» старых краеведов были посвящены сборники с характерными для тех лет названиями «За большевистскую партийность в краеведении» (М., 1931), «За марксизм в советском краеведении» (М.; Л., 1931), «Против вредительства в краеведческой литературе» (Иваново-Вознесенск, 1931), ряд статей, опубликованных в журнале «Советское краеведение» (этот издававшийся в 1930–1936 гг. журнал заменил выходившие в 1920-е гг. журналы «Краеведение» и «Известия Центрального бюро краеведения»), а также книга С. П. Толстова «Введение в советское краеведение» (М.; Л., 1932). Эта литература изобличала краеведов в многочисленных «грехах»: дворянстве, буржуазности, монархизме, идеализме, поповщине, контрреволюционности, реакционности, национализме, сепаратизме, великодержавном шовинизме,

аполитизации и децентрализации науки, мракобесии, вредительстве, шпионаже и т. п.

Вот что, например, писал о Михаиле Ивановиче Смирнове (1868–1949), одном из самых знаменитых краеведов России 1920-х гг., в статье «За большевистскую бдительность в краеведении», опубликованной в журнале «Советское краеведение» в 1932 г., когда М. И. Смирнов уже находился в ссылке в Западной Сибири, один из «большевистски бдительных» авторов, скрывший свое «честное» имя за псевдонимом В. Г.: «Было бы большим упущением с нашей стороны, если не сказать еще хотя бы вкратце о такой брошюре М. И. Смирнова, как “Переславль-Залесский уезд, краткий краеведный очерк”, выпущенной им в 1922 году. Дело в том, что Смирнов с начала Октябрьской революции скрывал в своих статьях свое политическое лицо, и только в 1922 году в этой брошюре он выступил с оценкой Октябрьской революции на материале Переславль-Залесского уезда. Вот как он характеризует послереволюционный быт населения этого уезда: “Как будто вскрылся гнойник души народной, и всюду наблюдателю представилась картина хищения, грабежа, обмана, предательства и т.п.”. И дальше: “... Хулиганство, пьянство, воровство царят во всех углах каждого селения ежедневно”. А затем Смирнов делает такой вывод: “Так оставленный на произвол судьбы народ потянулся к новой культуре и, встретив на своем пути полукультурные слои города, перенял от них малоценное и заменил им красочную старину”. Ясно, что от такого махрового черносотенца нечего ждать, кроме отрицательного отношения к городу, к трудящимся, взявшим власть в свои руки, к рабочему классу, который Смирнов, этот стосковавшийся по царю заядлый контрреволюционер, называет “полукультурным слоем”. Сын попа, муж княгини, сначала поп, затем акцизный чиновник, впоследствии ставший никудышным “историком” Переславского уезда, – таково социальное лицо монархиста Смирнова, еще до революции занимавшегося фальсификацией истории и насаждением мракобесия. Мы считаем необходимым, чтобы местные переславские краеведческие организации под руководством партийной организации до конца разоблачили весь вред творчества Смирнова» [Цит. по: 30, с. 94].

Как говорится, комментарии здесь излишни. Подлинная причина разгрома краеведческого движения заключалась, думается, в том, что краеведы, изучая прошлое и настоящее региона по первоисточникам и по личным наблюдениям, располагали достоверной информацией, которая не всегда совпадала, а чаще противоречила той информации, которую распространяли органы государственной власти.

В заключение добавлю, что аресты краеведов сопровождалась арестами и их архивов, которые затем, как правило, исчезали в недрах карательных органов. Таким образом, разгром краеведческого движения явился серьезным ударом по отечественной науке и культуре и, в частности, по источниковой базе отечественной истории, включавшей в себя собранные краеведами уникальные источники по истории событий 1917 года и их последствий.

Список литературы

1. Святский Д. Проникает ли краеведение в массы? (К 10-летию Октябрьской революции) // Краеведение. – 1927. – Т. 4. – № 3. – С. 306–308.
2. Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения. – Саратов, 1924. – Вып. 34. – Ч. 2.
3. Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, 1919. – № 56.
4. Отчет Костромского научного общества по изучению местного края за 1917 год. – Кострома, 1918.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 2. Д. 344.
6. Известия Центрального бюро краеведения. – 1928. – № 6.
7. Краеведные учреждения СССР. Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций. – Л., 1927. – 2-е изд. – 205 с.
8. Гринкевич В. Познай свой край: к основанию в Пскове Общества изучения местного края // Новая жизнь. – Псков, 1922. – № 3. – С. 79–85.
9. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 348.
10. Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1918 год. – Кострома, 1919.
11. Наука и ее работники. – 1922. – № 2.
12. Краеведение. – 1926. – № 3.
13. Программы и анкеты по собиранию материалов для изучения Нолинского края. – Нолинск, 1925.
14. Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения за 1925 год. – Иваново-Вознесенск, 1926.
15. Филимонов С. Б. Краеведческие организации европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.) / С. Б. Филимонов; под ред. С. О. Шмидта. – М., 1991. – 208 с.
16. Ярославская старина. Временник Ярославского губернского архива. – Ярославль, 1924. – Вып. 1.
17. Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. – Тамбов, 1925. – № 1.
18. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 9. Д. 53.
19. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 84.
20. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете. – Казань, 1927. – Т. 33. – Вып. 4.
21. Известия Центрального бюро краеведения. – 1928. – № 7.
22. Гелис И. Как надо писать воспоминания: методологический очерк // Пролетарская революция. – 1925. – № 7 (12). – С. 197–212.
23. Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. – М., 1970. – 115 с.
24. Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.) / С. Б. Филимонов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Симферополь, 2004. – 316 с.
25. Гурьев Н. Политическая история с. Репьевки // Краеведческий сборник. – Ульяновск, 1928. – Вып. 3. – С. 21–28.
26. Н. А. Летопись современника // Известия Центрального бюро краеведения. – 1926. – № 7. – С. 227–228.
27. Филимонов С. Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.) / С. Б. Филимонов; под ред. С. О. Шмидта. – М., 1989. – 178 с.
28. Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. – Тамбов, 1927. – № 2.
29. Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда / С. Б. Филимонов. – Симферополь, 2010. – 408 с.
30. Филимонов С. Б. М. И. Смирнов – выдающийся краевед-исследователь Переславского края // Малые города России. Проблемы истории и возрождения: Материалы международной научно-методической конференции 16–17 октября 1998 г. в г. Переславле-Залесском. – М.: Москвоведение, 1998. – С. 85–95.

Filimonov S.B. The Revolution and Socio-political Contexts of Localization in Russia (1917 - 1931) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 114-123.

Annotation. The article, based on archival and little-known printed materials, is devoted to socio-political contexts of local history in Russia, conditioned by the revolution 1917 year. The reasons for the powerful local history movement, which unfolded in Russia in 1917-1929, are indicated, its characteristic features are noted, data on the number of local lore organizations and their social composition are given. The main directions of activity of local lore organizations, their forms and methods are considered. An important role of local historians in the works on the creation and use of a strong and diverse source base of the history of the events of 1917 and their consequences for the socio-political and economic life of the regions is underlined. The reasons, character and consequences of the rout in Russia in 1929-1931 are revealed. The local lore movement, as a result of which the voluntary local lore societies were replaced by bureaucratic local lore bureaus, and the leading local lore specialists in the notorious article 58-10 of the Criminal Code of the RSFSR were exiled.

Key words: Russia, 1917, local history, the intelligentsia, the revolution and its consequences, political repression.

References

1. Svyatskiy D. Pronikaet li kraevedenie v massyi? (K 10-letiyu Oktyabrskoy revolyutsii) [Does the Study of Regional Studies Penetrate the Masses? (To the 10th Anniversary of the October Revolution)] // Kraevedenie. 1927. Vol. 4. № 3. P. 306–308.
2. Trudyi Nijnevoljskogo oblastnogo nauchnogo obschestva kraevedeniya [Proceedings of the Nizhnevolzhsky Regional Scientific Society of Local History]. Saratov, 1924. Issue. 34. Part 2.
3. Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii [Proceedings of the Taurida Academic Archive Commission]. Simferopol, 1919. № 56.
4. Otchet Kostromskogo nauchnogo obschestva po izucheniyu mestnogo kraya za 1917 god [Report of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Territory for 1917]. Kostroma, 1918.
5. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archives of the Russian Federation (GARF)]. F. 2307. Op. 2. D. 344.
6. Izvestiya Tsentralnogo byuro kraevedeniya [Proceedings of the Central Bureau of Local History]. 1928. № 6.
7. Kraevednyie uchrediya SSSR. Spisok obschestv i krujkov po izucheniyu mestnogo kraya, muzeev i drugih kraevednyih organizatsiy [Local lore Institutions of the USSR. List of Societies and Circles for Studying the Local Land, Museums and other Local Organizations]. L., 1927. 2-nd ed. 205 p.
8. Grinkevich V. Poznaysvoikray: k osnovaniyu v Pskove Obschestva izucheniya mestnogo kraya [Know Your Edge: to the Foundation in Pskov of the Society for the Study of the Local Edge]. New Life. Pskov, 1922. № 3. P. 79–85.
9. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archives of the Russian Federation (GARF)]. F. 2307. In. 10. Case 348.
10. Otchet o deyatelnosti Kostromskogo nauchnogo obschestva po izucheniyu mestnogo kraya za 1918 god [Report on the Activities of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Territory for 1918]. Kostroma, 1919.
11. Nauka i ee rabotniki [Science and its Workers]. 1992. № 2.
12. Kraevedenie [Localhistory]. 1926. № 3.
13. Programmy i ankety po sobiraniyu materialov dlya izucheniya Nolinskogo kraya [Programs and Questionnaires on the Collection of Materials for the Study of the Nolinsk Territory]. Nolinsk, 1925.
14. Otchet o deyatelnosti Ivanovo-Voznesenskogo gubernskogo nauchnogo obschestva kraevedeniya za 1925 god [Report on the Activities of Ivanovo-Voznesensk Provincial Scientific Society of Local Lore in 1925]. Ivanovo-Voznesensk, 1926.
15. Filimonov S. B. Kraevedcheskie organizatsii evropeyskoy Rossii i dokumentalnye pamyatniki (1917–1929 gg.) [Local History Organizations of European Russia and Documentary Monuments (1917–1929)]. Moscow, 1991. 208 p.

16. Yaroslavskaya starina. Vremennik Yaroslavskogo gubernskogo arhiva [The Yaroslavl Antiquity. The Temporary Archive of the Yaroslavl Province Archive]. Yaroslavl, 1924.
17. Izvestiya Tambovskogo obshchestva izucheniya prirody i kulturyi mestnogo kraya [Izvestiya Tambov Society for the Study of Nature and Culture of the local land]. Tambov, 1925. № 1.
18. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archives of the Russian Federation (GARF)]. F. 2307. In. 9. Case 53.
19. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archives of the Russian Federation (GARF)]. F. 2307. In. 10. Case 84.
20. Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete [News of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Kazan State University]. Kazan, 1927. T. 33. R. 4.
21. Izvestiya Tsentralnogo byuro kraevedeniya [Proceedings of the Central Bureau of Local Lore Studies]. 1928. № 7.
22. Gelis I. Kaknadopisatvospominaniya: metodologicheskiocherk [How to Write Memoirs: a Methodological Essay]. Proletarskayarevolutsiya. 1925. № 7 (12). P. 197-212.
23. Golubtsov V. S. Memuaryi kak istochnik po istorii sovetskogo obshchestva [Memoirs as a Source on the History of Soviet Society]. Moscow, 1970. 115 p.
24. Filimonov S. B. Hraniteli istoricheskoy pamyati Kryima: o nasledii Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii (1887–1931 gg.) [The Keepers of the Historical Memory of the Crimea: the Legacy of the Tauric Academic Archive Commission and the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography (1887–1931)]. Ed. 2-nd, revised. and additional. Simferopol, 2004. 316 p.
25. Gurev N. Politicheskaya istoriya s. Repevki [Political History of the Village of Repevka]. Kraevedcheskiy sbornik. Ulyanovsk, 1928. Vyp. 3. P. 21–28.
26. N. A. Letopis sovremennika [N. A. A Chronicle of a Contemporary]. Izvestiya Tsentralnogo byuro kraevedeniya. 1926. № 7. P. 227–228.
27. Filimonov S. B. Kraevedenie i dokumentalnyie pamyatniki (1917–1929 gg.) [Local History and Documentary Monuments (1917–1929)] / Ed. By S. O. Shmidt. – Moscow, 1989. 178 p.
28. Izvestiya Tambovskogo obshchestva izucheniya prirody i kulturyi mestnogo kraya [Izvestia of the Tambov Society for the Study of Nature and Culture of the Local Territory]. Tambov, 1927. № 2.
29. Filimonov S. B. Iz proshlogo russkoy kulturyi v Kryimu: poiski i nahodki istorika-istochnikoveda [From the Past of Russian Culture in the Crimea: the Searches and Finds of the Source Historian]. Simferopol, 2010. – 408 p.
30. Filimonov S. B. M. I. Smirnov – vyidayuschiysya kraeved-issledovatel Pereslavskogo kraya [M. I. Smirnov is an Outstanding Local Researcher of the Pereslavl Region]. Malyie goroda Rossii. Problemy istorii i vrozhdeniya: Materialy mejdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii 16–17 October 1998. Pereslavl-Zalessky. Moscow: «Moskvovedenie», 1998. P. 85–95.